

Глава 3

Северная Венеция

Существует легенда, гласящая, что Санкт-Петербург был сотворен в небесной синеве, а уж потом этот небесный город спустился на невские болота. Как иначе, говорит легенда, можно объяснить появление столь прекрасного города в столь унылом месте. Истина лишь немногим менее сверхъестественна: железная воля одного человека, мастерство сотен иностранных архитекторов и ремесленников и труд сотен тысяч русских рабочих создали город, который восхищенные путешественники впоследствии окрестили «Северной Венецией» и «Снежным Вавилоном».

К строительству Петербурга всерьез приступили после того, как победа под Полтавой в 1709 году, по словам Петра, положила последний камень в его основание. Оно оживилось на следующий год благодаря завоеванию Риги и Выборга, двух «подушек», на которые отныне Петербург мог опираться и чувствовать при этом себя в полной безопасности. С тех пор, несмотря на то что Петр месяцами не навещался в свой «парадиз» (а случалось, отсутствовал там по году и больше), строительство уже не прекращалось. Где бы царь ни был, на что бы ни устремлял свое внимание, его письма всегда были полны вопросов и распоряжений по поводу строительства набережных, дворцов и других зданий, рытья каналов, разбивки садов. В 1712 году, хотя никакого указа на сей счет издано не было, Санкт-Петербург стал столицей России. Самодержавная власть была сосредоточена в руках царя, а царь отдавал предпочтение Петербургу. Соответственно, сюда из Москвы перебирались государственные учреждения, здесь формировались новые органы управления, и очень скоро само присутствие Петра превратило недостроенный город на Неве в правительственную резиденцию.

В первые десять лет своего существования Петербург рос очень быстро. По Донесению Вебера, к апрелю 1714 года Петр произвел перепись и насчитал в городе 34 500 домов. Скорее всего, эта цифра включала всякое жилище с четырьмя стенами и крышей, но и в этом случае она, несомненно, завышена. И все же не только количество, но и качество петербургской застройки было впечатляющим. Из многих стран приехали сюда архитекторы и с энтузиазмом взялись за работу. Строительство долгие годы возглавлял Доменико Трезини, первый петербургский генерал-архитектор; много строил и немец Андреас Шлютер, который привез с собой несколько соотечественников, братьев-архитекторов.

В 1714 году ядро города по-прежнему находилось на Петроградской стороне, к востоку от Петропавловской крепости. Центром городской жизни стала Троицкая площадь, выходившая на набережную реки недалеко от первого петровского бревенчатого домика о трех комнатках. По периметру площади возвели ряд более крупных построек. Одной из них была деревянная церковь Святой Троицы, построенная в 1710 году, куда Петр приходил помолиться, поблагодарить за победу и оплакать умерших. На площади располагались также основное здание государственных канцелярий, типография (где при помощи шрифтов и печатных станков, доставленных с Запада, печаталась Библия, научная и техническая литература) и первый госпиталь в городе, а кроме того, новые каменные дома канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, князя Ивана Бутурлина, Никиты Зотова (произведенного в графы) и князя Матвея Гагарина, сибирского губернатора. Неподалеку стояло уютное питейное заведение, австерия «Четыре фрегата», куда могли зайти и угоститься табаком, пивом, водкой, вином и бренди высшие сановники, включая и самого царя, иностранные послы, торговцы и просто прилично одетые люди.

Недалеко от Троицкой площади помещался единственный в городе рынок – гостинный двор; большое двухэтажное деревянное здание, с трех сторон охватывающее широкий двор. Здесь в сотнях лавок и палаток выставляли свои товары купцы и торговцы из разных стран. Все они платили налог в царскую казну, которая оберегала торговую монополию, запрещая продавать товары в других местах города. Рядом, еще в одном деревянном здании, размещался рынок продовольствия и домашней утвари, где продавались горох, чечевица,

капуста, бобы, толокно, мука, сало, деревянные изделия и глиняные горшки. На задворках бурлила татарская барахолка – скопление крошечных лавчонок, где предлагали ношеную обувь, куски старого железа, старые веревки и стулья, подержанные деревянные седла и сотни других предметов. В кишачей людской массе, теснившейся и толкавшейся вокруг этих лотков, успешно промышляли карманники. «Толпа так густа, что приходится как следует смотреть за своим кошельком, шпагой и носовым платком, – писал Вебер. – Самое разумное – крепко держать все это в руках. Как-то раз я увидел офицера-немца, гренадера, который возвращался без парика, и знатную даму без шляпы». Оказывается, мимо проскакали на лошадях татары, сорвали с него парик, с нее шляпу, а затем, к веселью толпы, выставили украденное на продажу прямо на глазах своих жертв, оставшихся с непокрытыми головами.

С тех пор как Полтава рассеяла шведскую угрозу, город стал распространяться от первоначального центра, размещавшегося к востоку от крепости, на другие острова и на сам материк. Ниже по течению, на северной стороне главного русла реки, лежал самый большой остров невской дельты – Васильевский. Главным его обитателем был князь Меншиков, петербургский генерал-губернатор, которому Петр подарил большую часть острова. В 1713 году на набережной Невы Меншиков начал строительство солидного каменного дворца, в три этажа, с крышей, крытой железными листами красного цвета. Этот дворец, спроектированный немецким архитектором Готфридом Шеделем, оставался при жизни Петра самым большим частным домом в Петербурге и был полон изящной мебели, нарядного столового серебра и множества предметов, которые, по сдержанному выражению датского посла, были, вероятно, «перевезены сюда из польских замков». Вместительный главный зал Меншиковского дворца служил местом самых пышных увеселений, свадеб, балов. Петр распоряжался этим дворцом точно так же, как прежде, в Москве, он пользовался домом, построенным для Франца Лефорта. Сам он предпочитал жить в домах попроще, где вместительные помещения для больших приемов не были предусмотрены. Порой, когда Меншиков закатывал от имени царя очередной прием, Петр поглядывая через реку из собственного небольшого дома на освещенные окна Меншиковского дворца и усмехался: «Веселится Данилыч».

Позади дома Меншикова помещалась его домашняя церковь с колокольной, откуда доносился нежный перезвон, и большой регулярный сад с решетчатыми оградами, живыми изгородями, рощей, домиками садовников и ферма с курами и прочей живностью. Расположенный на северном берегу реки, сад смотрел на юг и пользовался самым благоприятным освещением, при этом деревья и изгороди защищали его от ветра, так что в нем вызревали фрукты и даже дыни. Кроме дворца, на острове стояло несколько деревянных изб, а все остальное пространство острова было по-прежнему покрыто мелколесьем и кустарником, кое-где перемежавшимся луговинами, на которых паслись лошади и коровы.

Сердцем города всегда была река, глубокий холодный поток, который быстро и бесшумно струился из Ладожского озера, среди лесов, мимо Меншиковского дворца, и, минуя острова, с разбега вливался в Финский залив, так что течение его ощущалось даже в миле от берега. Гигантский напор воды, давление зимних льдов и мощь весенних ледоходов – все это создавало большие трудности для строительства моста через Неву; однако мост не строили по другим причинам. Петр хотел, чтобы его подданные учились мореходству, а потому настаивал, чтобы они переправлялись через Неву на лодках – и притом без весел! Тем, кто не мог себе позволить иметь собственный парусник, позволялось пользоваться двадцатью казенными шлюпками, но перевозчики, в большинстве своем несведущие в морском деле крестьяне, сплошь и рядом не справлялись с быстрым течением и сильными порывами ветра. Наконец, после того как один за другим в результате несчастных случаев в реке утонули польский посол, генерал-майор и один из личных врачей Петра, царь смягчился и разрешил перевозчикам пользоваться веслами. Но и тогда для простого люда поездка на другой берег оставалась делом рискованным; а уж если начиналась буря, можно было застрять там на несколько дней. Зимой горожане легко пересекали реку по льду, но летом, в

штормовую погоду, или осенью и весной, во время ледостава или ледохода, жители невских островов бывали буквально отрезаны от остальной России. (В апреле 1712 года Петр изобрел способ перебираться через реку, не слишком рискуя провалиться сквозь тающий лед: вместо кареты водрузил на сани четырехвесельную лодку. Теперь, даже если бы лошади и сани провалились под лед, лодка с царем осталась бы на плаву.)

Из-за этой разобщенности островов правительственные здания и частные дома начали сосредотачиваться вдоль южного берега реки, то есть на материке. Среди них выделялся тридцатикомнатный дом генерал-адмирала Апраксина, стоявший рядом с Адмиралтейством, на углу территории, ныне занятой Зимним дворцом с его 1100 комнатами, который Растрелли построил для императрицы Елизаветы. Выше по течению вдоль набережной выросли дома генерал-прокурора Ягужинского, вице-адмирала Крюйса и «Зимний дом» самого Петра – на том месте, где теперь находится екатерининский Малый Эрмитаж. Дворец Петра был деревянный, двухэтажный, трехчастный (к центральному корпусу примыкали два крыла) и, кроме морской короны над входом, ничем не отличался от других зданий возле реки. Царь не любил просторных помещений, и всегда предпочитал тесные комнатухи с низкими потолками. Однако чтобы не нарушать симметрию дворцовых фасадов вдоль реки, пришлось сделать каждый этаж дома выше, чем ему нравилось. Из положения вышли, соорудив в личных покоях царя низкие ложные потолки. Первый «Зимний дом» снесли в 1721 году, чтобы на его месте возвести более вместительное каменное здание⁴.

В 1710 году выше по течению, там, где в Неву впадает река Фонтанка, Трезини начал строить прекрасный Летний дворец с широкими окнами, выходящими на воду с двух сторон, с двумя массивными голландскими печками и высокой четырехскатной крышей, увенчанной позолоченным флюгером – фигурой св. Георгия на коне, поражающего дракона. Здесь жили Петр с Екатериной, и четырнадцать светлых, полных воздуха комнат дворца были поделены поровну между супругами. Петр занимал семь комнат первого этажа, а семь комнат наверху принадлежали Екатерине. Комнаты царя отражали его собственные скромные вкусы и многосторонние интересы. Покои Екатерины говорили о желании окружить себя царской роскошью и великолепием. Например, стены кабинета и приемной Петра были от пола до подоконников облицованы синими голландскими изразцами с картинками – каждая изображала кораблик, морскую или пасторальную сценку. Потолки его приемной и маленькой спальни были расписаны крылатыми херувимами, празднующими «Триумф России». На письменном столе царя стояли нарядные корабельные часы и компас из меди и гравированного серебра – подарок английского короля Георга I. Царская кровать под балдахином красного бархата была большой, но не настолько, чтобы царь мог вытянуться на ней во весь рост; в XVIII веке люди спали как бы полусидя, подложив под голову и спину подушки. Самая любопытная комната на этаже царя – это токарня: в ней он держал станки, на которых любил работать в свободное время. Возле стены стояла деревянная резная рама двенадцати футов в высоту, заключавшая в себе особый прибор, изготовленный специально для Петра в 1714 году в Дрездене мастером Динглингером. Он состоял из трех больших циферблатов, каждый по три фута в диаметре; один показывал время, а два других, соединенных стержнями с флюгером на крыше, – направление и силу ветра. Столовая Петра могла вместить только членов семьи и нескольких гостей. Все многолюдные пиршества происходили во дворце Меншикова. Стены петровской поварни были покрыты синим кафелем с цветочным орнаментом. Вода поступала в черную мраморную раковину по системе водопроводных труб – первой в Петербурге. Но самое замечательное – это то, что из кухни открывалось окно прямо в столовую. Петр любил горячую еду и терпеть не мог огромные дворцы, в которых любое блюдо успевало остыть, пока его по бесконечным переходам доставляли к столу.

Этажом выше у Екатерины была приемная, тронный зал, танцевальный зал, а также спальня, детская с люлькой в форме лодки и собственная кухня царицы. В ее комнатах были

⁴ Зимний дворец Петра располагался на том месте, где ныне стоит Эрмитажный театр. – *Примеч. ред.*

расписные потолки, паркетные полы, на стенах висели фламандские и немецкие гобелены и красовались китайские шелковые обои, затканые золотой и серебряной нитью; комнаты заполняли разнообразные драпировки, ковры, мебель, инкрустированная слоновой костью и перламутром, венецианские и английские зеркала. Сегодня этот маленький дворец, великолепно восстановленный и предлагающий на обозрение предметы подлинной петровской обстановки или, по крайней мере, того же периода, украшенный многочисленными портретами семьи и приближенных Петра, является, наряду с павильоном Монплезир в Петергофе, тем местом, где можно лучше всего ощутить живое присутствие самого Петра.

* * *

В 1716 году в Петербург прибыл еще один иностранный архитектор, которому суждено было навсегда оставить след в петровском «парадизе». Это был француз Жан Батист Александр Леблон. Парижанин, ученик великого Ленотра, создателя версальских садов, Леблон едва достиг возраста тридцати семи лет, но уже приобрел известность во Франции благодаря своим постройкам в Париже и трудам по архитектуре и планировке регулярных парков. В апреле 1716 года Леблон подписал беспрецедентный контракт – он ехал в Россию на пять лет в качестве генерал-архитектора с постоянным жалованьем в 5000 рублей в год. Ему полагалась также казенная квартира и разрешение покинуть Россию по истечении пятилетнего срока, не платя никаких налогов на имущество. Взамен Леблон обязался не пожалеть сил на передачу своих знаний тем россиянам, которые будут работать под его началом.

По пути в Петербург Леблон проехал через Пирмонт, где Петр лечился водами, и они обсудили планы и надежды Петра касательно строящегося города. Петр остался доволен своим новым сотрудником и по отъезде Леблону с воодушевлением писал Меншикову в Петербург, чтобы тот по-дружески принял выдающегося архитектора и чтобы все архитекторы представляли свои планы нового строительства на одобрение Леблону и если еще есть время, то исправить по его указанию старые планы.

Вооруженный титулом генерал-архитектора, щедрым контрактом, горячими рекомендациями Петра, Леблон прибыл в Россию с намерением взять дело в свои руки. С собой он привез не только жену и шестилетнего сына, но и несколько десятков своих соотечественников – чертежников, инженеров, столяров, скульпторов, каменотесов, каменщиков, плотников, слесарей, резчиков, ювелиров и садовников. Он немедленно организовал новую Канцелярию от строений – учреждение, через которое должны были проходить все строительные планы, чтобы он мог их санкционировать. Затем, вдохновленный беседой с Петром, Леблон начал разрабатывать генеральный план, призванный определить основное направление застройки города на многие годы.

Самой честолюбивой частью этого замысла было создание на Васильевском острове города каналов на манер Амстердама. Предполагалось проложить сеть параллельных улиц, пересекаемых под прямым углом каналами, прорытыми в низкой топкой почве. Остров должны были прорезать два главных канала, пересекающихся с двенадцатью каналами поменьше, но достаточно широкими, чтобы две лодки могли разъехаться. При каждом доме предусматривались внутренний двор, сад и пристань для хозяйской лодки. В центре этой гигантской водяной шахматной доски царь собирался построить новый дворец с обширным регулярным садом.

Леблон приступил к работе сразу же, как приехал, в августе 1716 года, – по его приказанию в болотистую землю были вбиты колья, чтобы наметить очертания будущего города. Той же осенью и следующей весной начали рыть каналы, и первые из новых домовладельцев принялись, подчиняясь строжайшим предписаниям Петра, возводить свои жилища. Но не все шло гладко. Реализуя свои полномочия, Леблон вторгся в сферу влияния еще более полномочного петербуржца, Меншикова. Последний был не только генерал-

губернатором Петербурга, но и владельцем большой территории Васильевского острова, которая отчасти отходила под Леблонов город каналов. Меншиков не решился прямо воспротивиться плану, получившему одобрение Петра, но царь должен был вернуться не раньше чем через несколько месяцев, а пока вся городская жизнь полностью зависела от генерал-губернатора – в том числе и новое строительство. Меншиков расквитался с Леблоном очень характерным для него способом. Он позволил прорыть каналы, но они оказались уже и мельче, чем требовал Леблон, – двум лодкам здесь было не разойтись, и скоро неглубокие водные пути начало затягивать ялом. Когда Петр вернулся и отправился взглянуть, как идет застройка, то с радостью увидел новые дома, вытянувшиеся вдоль каналов, однако заметив, что протоки несоразмерно узки, изумился и пришел в ярость. Леблон к этому времени хорошо усвоил, что напрямую лучше Меншикова не задевать, и промолчал. Петр обошел весь остров, сопровождаемый своим архитектором, а потом, повернувшись к Леблону, спросил: «Что можно сделать, чтобы осуществить мой план?»

Француз пожал плечами: «Сносить, сир, сносить. Нет иного средства, как разрушить все, что было сделано, и рыть каналы заново». Но это было слишком даже для Петра, и от проекта отказались, хотя время от времени Петр отправлялся на Васильевский остров посмотреть на каналы и, опечаленный, не говоря ни слова, возвращался. Зато на левом берегу Невы Леблон построил главный проспект города, Невский, соединивший напрямую, через луга и леса, Адмиралтейство и Александро-Невскую лавру, отстоящие друг от друга на две с половиной мили⁵. Невский проспект был проложен и вымощен руками бригад, составленных из шведских пленных солдат (им же было приказано по субботам подметать проспект), и скоро стал самой знаменитой улицей в России.

Леблон приложил руку и к созданию еще одной достопримечательности Санкт-Петербурга, Летнего сада. Еще до Полтавы Петр заложил этот сад, раскинувшийся на 37 акрах, позади его Летнего дворца, где Фонтанка ответвляется от Невы. Царь не переставал хлопотать о саде даже в момент наивысшей опасности со стороны шведов. Так, из Москвы были затребованы семена и рассада, а заодно и тринадцать молодых парней для обучения ремеслу садовника. Повсюду разыскивались книги о садах Франции и Голландии. Поступило указание обсадить аллеи деревьями: липами и вязами из Киева и Новгорода, каштанами из Гамбурга, дубами и плодовыми деревьями из Москвы и с Поволжья, южными кипарисами. Цветы прибывали со всех концов: луковицы тюльпанов из Амстердама, сиреневые кусты из Любека, лилии, розы и гвоздики из разных частей России.

Вкладом Леблона в Летний сад была вода. «Фонтаны и вода суть душа сада и составляют его главное украшение», – написал он однажды. Он качал воду из Фонтанки (именно поэтому ее так и называют – от слова «фонтан») в специально выстроенную водонапорную башню, и оттуда она под напором подавалась в фонтаны. По саду было разбросано пятьдесят фонтанов: гроты, каскады, водяные султаны, бьющие из раскрытых ртов дельфинов и лошадей. В бассейнах вокруг этих фонтанов плавали или изрыгали струи воды существа реальные и мифические – каменные горгульи, живые рыбы, и даже настоящий тюлень. Поблизости пели птицы в клетках-пагодах, трещала без умолку голубая мартышка, мрачно поглядывали на посетителей дикобраз и соболи.

Достойный ученик Ленотра, Леблон создал для Петра настоящий французский регулярный парк. Он украсил его партерами, где цветы, кусты и гравий складывались в причудливые, извилистые узоры. Он подстриг кроны деревьев и кустов, превратив их в шары, кубы и конусы. Он построил застекленную оранжерею и развел там апельсиновые, лимонные и лавровые деревья и даже вырастил маленькое гвоздичное деревце. На пересечении дорожек и вдоль аллей он расставил итальянские скульптуры; со временем в саду появилось шестьдесят мраморных статуй, изображавших сцены из басен Эзопа, а также аллегорические скульптуры, такие как «Мир и Изобилие», «Мореплавание», «Архитектура»,

⁵ Здесь требуется уточнение; Леблон только обозначил «Невскую перспективу», а застройка улицы, как и признание ее главной магистралью города, относятся к более позднему времени. – *Примеч. ред.*

«Истина» и «Искренность».

Когда Петр бывал в Петербурге, он часто приходил в Летний сад. Царь любил посидеть на скамейке, выпить кружку пива или сыграть в шашки с друзьями, пока Екатерина с придворными дамами прогуливались по аллеям. Сад был открыт для избранной публики: здесь охотно собиралось высшее общество – совершить променады после обеда или посидеть возле фонтанов долгими летними белыми ночами. В 1777 году страшное наводнение нанесло Летнему саду непоправимый урон – деревья были вырваны с корнем, фонтаны исковерканы. После этого Екатерина Великая восстановила сад, но уже на иной лад, отдав дань моде на английские пейзажные парки: фонтаны отстраивать не стали, деревьям и кустам позволили расти свободно. Но Летний сад по-прежнему хранил свое очарование и привлекательность. По его аллеям любил пройтись живший неподалеку Пушкин, туда постоянно наведывались Глинка и Гоголь. Ровесник самого города, Летний сад до сих пор возрождается каждую весну и до сих пор остается таким же трогательно-юным, как только что распустившийся листок.

Меншиков не мог спокойно смотреть на то, как Петр осыпает милостями Леблону, и решил использовать Летний сад, чтобы вызвать на голову француза царский гнев. В 1717 году он написал Петру, будто Леблон рубит в саду деревья, которыми, как он знал, царь особенно гордился. На самом деле Леблон только подрезал ветки, чтобы улучшить вид и придать деревьям правильную форму в полном соответствии с французскими канонами. Петр вернулся и, едва завидев Леблону, вспомнил о погибших деревьях. Слепленный яростью, он ударил архитектора тростью. От потрясения тот слег в постель с нервной лихорадкой. Потом Петр пошел осмотреть сад и, поняв, что деревья всего лишь подстригли, тут же послал к Леблону с извинениями и распорядился, чтобы генерал-архитектора окружили особой заботой. Встретив Меншикова, он схватил его за ворот камзола и прижал к стене. «Ты, ты один, негодяй, повинен в недуге Леблону!» – кричал царь.

Леблон поправился, но через полтора года подхватил оспу и в феврале 1719 года, тридцати девяти лет от роду, умер, проведя в России всего два с половиной года. Если бы он прожил подольше и по-прежнему пользовался расположением Петра, а значит, и властью, то облик Санкт-Петербурга получился бы куда более французским. Один блистательный пример того, что могло бы быть, все же существует. Перед смертью Леблон выбрал место, приготовил эскизы и распланировал сады для небывалой летней резиденции у моря, получившей название Петергоф.

* * *

Петергоф был задуман задолго до приезда Леблону в Россию, и замысел этот возник в связи с Кронштадтом. В 1703 году, через несколько месяцев после завоевания невольской дельты, Петр вышел под парусом в Финский залив и впервые увидел остров Котлин. Вскоре он решил построить там крепость для защиты Петербурга с моря. Начались работы, царь нередко наведывался на остров, чтобы следить за ходом дела. Иногда, особенно осенью, когда то и дело штормило, доплыть туда из города было невозможно, и царь отправлялся по суше до того места на берегу залива, которое находилось прямо против острова, и уже оттуда кратчайшим путем добирался на лодке. Здесь на берегу он построил маленький причал и двухкомнатный домик, где при необходимости мог дожидаться хорошей погоды. Вот этот домик и дал начало Петергофу.

Когда Полтавская победа закрепила за Россией Ингрию, Петр поделил полосу земли вдоль южного берега Финского залива, прилегающую к Петербургу, между своими ближайшими сподвижниками. Многие возвели дворцы и усадьбы на тянущемся в полумиле от берега гребне высотой в 50–60 футов. Самая большая и прекрасная в этом ожерелье загородных резиденций, полукругом опоясавших залив, принадлежала Меншикову, для которого Шедель возвел трехэтажный, овальный в плане дворец, названный Ораниенбаумом.

Первый летний дом Петра у залива, в Стрельне, не мог соперничать с великолепным дворцом светлейшего. Петровская резиденция представляла собой просто большой деревянный дом, самой заметной особенностью которого была «корабельная рубка», в которую царь мог забираться по приставной лестнице. По вечерам Петр раскуривал трубку и с удовольствием глядел на корабли в заливе. Потом ему захотелось чего-нибудь повнушительнее, и именно Леблону он доверил задачу построить дворец лучше Ораниенбаумского, приморский Версаль – Петергоф.

Большой дворец Леблона, высокое двухэтажное здание, богато украшенное внутри и снаружи, южным фасадом выходило в обширный регулярный французский сад. Но оно было куда меньше и скромнее, чем Версаль или тот расширенный и переделанный дворец, который Растрелли соорудил для императрицы Елизаветы на этом же месте через десятилетие. Слава Петергофа и шедевр Леблона – это вода. Вода упругой струей взмывает ввысь в петергофское небо; она льется и брызжет из десятков самых причудливых фонтанов; она омывает статуи людей и богов, коней и рыб, невероятных существ, каких ни люди, ни боги никогда не видали; она скользит с мраморных ступеней гибким зеркалом; глубокая и темная, она заполняет каналы, пруды и бассейны. Поток Большого каскада, служащий как бы продолжением дворца, устремляется вниз по двум гигантским мраморным лестницам, расположенным по бокам глубокого грота, откуда мощный водопад низвергается прямо в большой центральный ковш. На ступенях, отражаясь в мириадах брызг, сверкают на солнце позолоченные статуи; посреди ковша, омываемый струями множества водометов, стоит ослепительный золотой Самсон, раздирающий пасть золотого льва. Из ковша вода стекает к морю по длинному каналу, достаточно широкому, чтобы к подножию дворца могли подходить небольшие парусные суда. Большой канал служит центральной осью Нижнего парка, а по обе стороны от него видны все новые и новые фонтаны, статуи, аллеи. Вода, питающая эти фонтаны, поступала не из залива, но собиралась по деревянным трубам из ключей на Ропшинских высотах, в тринадцати милях от Петергофа.

Между дворцом и морем, в Нижнем парке, пересеченном во всех направлениях аллеями и дорожками, усеянном фонтанами и беломраморной скульптурой, Леблон воздвиг три изысканных летних павильона, которые стоят по сей день, – Эрмитаж, Марли и Монплеизир. Эрмитаж – это крохотное изящное сооружение, окруженное маленьким рвом, через который подъемный мост ведет к единственному входу. Здание двухэтажное, на первом этаже расположена кухня и помещение, где находился механизм подъемного стола, на втором – одна просторная комната с высокими окнами, выходящими на балконы. Эта комната использовалась только для неофициальных обедов. В центре стоял огромный овальный стол на двенадцать персон, с эффектным французским механическим сюрпризом: стоило хозяину позвонить в колокольчик, чтобы подавали следующее блюдо, как середина стола опускалась на первый этаж, где все ненужное с него убирали и сервировали следующую перемену, после чего стол поднимался на прежнее место. Благодаря этому слуги никогда не нарушали своим присутствием интимную атмосферу застолья.

Марли получил свое название от уединенного пристанища Людовика XIV, но «никоим образом не напоминает тот [дворец], что принадлежит вашему величеству», – доносил в Париж французский посол. Петровский Марли, обычный голландский дом, с комнатами, отделанными дубовыми панелями, с голландскими изразцами, стоял на краю тихого озера.

Самым значительным из всех павильонов был Монплеизир, который Петр предпочитал всем своим загородным домам. Это одноэтажный дом красного кирпича, в голландском стиле, идеальных пропорций, расположенный прямо на берегу моря. Монплеизир – еще одна жемчужина под стать маленькому Летнему дворцу, что в Летнем саду. Высокие стеклянные двери открывались из комнаты на вымощенную кирпичом террасу, поднятую над водой на несколько футов. Парадный зал и секретарская отделаны темным дубом на голландский манер, в панели вставлены голландские пейзажи, большей частью с кораблями. Потолок расписан веселыми французскими арабесками, а пол выложен крупными черными и белыми плитками, образующими как бы шахматную доску для фигур в человеческий рост.

Сегодня Монплезир почти тот же, что был при Петре. Мебель, отделка, предметы домашнего обихода если и не являются личными вещами самого царя, то восходят к его эпохе. Рядом с парадным залом находится Морской кабинет Петра, выходящий окнами на залив. Его письменный стол завален навигационными приборами, стены от пола до окон выложены синими голландскими изразцами с кораблями, а выше отделаны деревянными панелями. Следующая комнатка – спальня Петра, где он мог, лежа на кровати, смотреть на море. По другую сторону зала, всего в двух шагах от обеденного стола, сплошь покрытая изразцами кухня. Есть тут и диковинка – изящный маленький Китайский кабинет, полностью отделанный черно-красным лаком. С двух сторон к дому примыкают красивые галереи с высокими, широкими окнами: те, что по фасаду, смотрят на море, задние – в сад, с его тюльпанами и фонтанами. Простенки между окнами украшены работами голландских художников, в основном морскими пейзажами. Петр любил этот домик и жил здесь даже тогда, когда Екатерина останавливалась в Большом дворце, стоявшем на возвышении над Монплезиром. Отсюда он мог смотреть на воду или лежать возле раскрытого окна и слушать, как шумят волны. Здесь, как ни в каком другом месте, находил покой в последние годы жизни этот неугомонный монарх.